

Специфика экспликации скрытых смыслов в речевом акте

Изучение проблем функциональной лингвистики, а также обширный интерес к теории коммуникации предполагают соединение традиционного системного рассмотрения языковых явлений с анализом их функционирования в условиях речевого акта. Значимость коммуникативной функции языка, его универсальная способность передавать любую информацию обуславливают вовлечение в круг интересов лингвистов случаев отсутствия соответствия между планами содержания и языкового выражения, к которым относятся вопросы образования скрытых смыслов.

Изучение соотношения формальной и содержательной сторон языка показало, что в языке возможны случаи выражения понятийного содержания не конвенциональными, а разнообразными, более «тонкими» средствами, например, особым положением слова в словосочетании или фразе, через определенный подбор лексем, специфической синтаксической или просодической структурой.

Имплицитность в узком понимании представляет собой чисто языковое явление, реализуемое посредством скрытых категорий, объективной предпосылкой существования которых является неоднозначность лексико-грамматических форм, участие не только языкового, но и внеязыкового знания в формировании смысла коммуникативного акта.

Понятие имплицитности пришло в науку о языке из логики. Имплицитное в сообщении связано с понятием импликации, которая определяется в логике как логическая операция, связывающая два высказывания в одно сложное целое с помощью логической связи, которой в обычном языке соответствует союз "если ... то" ($A \rightarrow B$ читается как "A влечет (имплицирует) B" или "B следует из A"). Лингвистическое понятие имплицитности шире логического и включает в себя импликацию (смысловой семантический вывод) и пресуппозицию (семантическое следствие). Между логическим и лингвистическим понятиями импликации имеются существенные различия.

Во-первых, в отличие от логической операции, которая предполагает эксплицитное выражение в тексте обоих членов - антецедента A и консеквента B, лингвистика имеет дело лишь с одним явно выраженным членом отношения (антецедентом или консеквентом), а второй член формулы лишь подразумевается.

Во-вторых, в отличие от двузначной логики в лингвистике рассматривается не двузначная модель, а как минимум трехчленная (А) - В - (С), где В - эксплицитно-выраженный член отношения, а члены (А) и (В) - соответственно пресуппозиции и импликации, не получившие явного выражения в сообщении. Пресуппозиции никогда не даны в тексте сообщения в силу того, что они не представляют информативной ценности, а обычно составляют знание нормативных употреблений языка, когнитивные фоновые знания и знание о ситуативном контексте. Однако эксплицитно выраженная часть отношения может быть правильно осмыслена лишь с учетом пресуппозиций, на основании которых слушающий извлекает имплицитный смысл из текста сообщения.

В-третьих, правила семантического следствия в языке не являются жесткими в отличие от правил логического следования. Они могут быть нарушены и от этого высказывание не становится внутренне противоречивым или абсурдным.

Рассмотрим соотношение пресуппозиций и импликаций. Пресуппозиция шире и богаче импликаций, так как импликация - это лишь минимальный вывод, который помогает осмыслить высказывание. "Имплицитность сообщения - это теоретически возможный набор пресуппозиций, она определяет то потенциальное множество импликатур, которые идеальный получатель способен извлечь из данного сообщения" [1: 92]. Слушающий же извлекает из эксплицитно-выраженного в сообщении не все возможные импликации, а лишь те, которые совместимы с его знаниями пресуппозиций.

Импликации в отличие от пресуппозиций зависят от условий коммуникации, соотносятся с коммуникативными установками говорящего и вытекают из общих постулатов общения. Они являются менее стабильным семантическим компонентом высказывания и под воздействием контекста могут подавляться или аннулироваться. Пресуппозиции же обладают свойством неустранимости и если контекст противоречит пресуппозиции, то это приводит к аномальному употреблению предложения.

Существует различное понимание имплицитности в зависимости от объекта исследования, методов и исходных положений. Имплицитность в грамматике понимается как невыраженность формальными средствами грамматических и лексико-грамматических категорий, содержащихся в синтаксических сочетаниях и семантике слов (например, категории интранзитивности и рода в английском языке). В лексикологии говорят об имплицитности в связи с коннотативными значениями слов. В стилистике имплицитность понимают как наличие в тексте не выраженных вербально, но угадываемых адресатом смыслов или как дополнительный смысл, возникающий в микроконтексте и не

указанный непосредственно значениями соположенных единиц текста, передающий информацию субъективно-оценочного характера [2]. Фонология рассматривает имплицитность в связи с интонацией. Интонацию импликации И.Г. Торсуева [3] сравнивает с такими случаями как интонационный вопрос (коммуникативный тип грамматически не выражен, но интонационно оформлен) и предлагает считать имплицитность особым коммуникативным типом высказывания [3 : 29].

Имплицитность (подразумевание) - это общее свойство языка и речи. Важной особенностью имплицитных языковых смыслов является то, что они не обладают специализированными средствами выражения и связаны с определенными способами проявления косвенно. Специфика имплицитного способа выражения состоит в совмещении в одном означающем нескольких значений. Способ выражения скрытых смыслов как бы «сопряжен» с эксплицитными средствами выражения других языковых значений и реализуется через них. Они, как правило, не ограничиваются рамками единиц одного уровня, а находятся на пересечении нескольких уровней и возникают в процессе интеграции структурных и семантических функций, то есть экспликация скрытых смыслов возможна лишь при учете не только совокупности форм и значений языковых единиц, но и их функциональных характеристик в процессе коммуникации.

Поскольку объектом нашего рассмотрения являются речевые единицы, то нас интересует освещение данного вопроса в теории речевой коммуникации. В данном случае имплицитность сопряжена со смысловым семантическим выводом, который делает слушающий из высказывания собеседника с учетом эксплицитного содержания, контекста и коммуникативной ситуации. Коммуникативные имплицитные смыслы возникают на базе вторичных употреблений предложений, для которых практически нет ограничений, так как коммуникативные импликации не связаны с конкретной языковой формой высказывания. Возникновение вторичных значений соотносимо с коммуникативными установками говорящего и условиями речевого общения, которые либо полностью погашают основное значение, либо сигнализируют о наличии дополнительной семы и косвенно передают новое значение.

Опосредованное выражение скрытых значений проявляется в определенных языковых ограничениях, накладываемых спецификой их семантики.

Передача имплицитного смысла высказывания в прагматической теории языка объясняется действием нарушения некоторых постулатов речевого общения, сформулированных Грайсом [4]. Однако нарушение правил коммуникации касается лишь только конвенциональных значений предложений, смысловое же содержание высказываний соот-

ветствует требованиям коммуникативных правил, которые способствуют имплицитированию определенного смысла. Использование говорящим косвенного способа передачи смысла вытекает либо из принципа вежливости, когда говорящий избегает прямо формулировать те свои желания, осуществление которых затрудняет собеседника; либо когда говорящий не хочет нести ответственность за свои слова или решает предосудительную задачу. Кроме того, как отмечает Н.Д.Арутюнова, нарушение правил коммуникации имеет своей целью повышение экспрессивности речи, "придание эстетической ценности" [5: 30]. В этом случае происходит формирование таких стилистических приемов, как повтор, риторический вопрос, ирония и т.д.

Объектом нашего рассуждения являются высказывания, содержащие имплицитный смысл отрицания. Особенность данных высказываний проявляется в несовпадении смыслового содержания, которое они приобретают в речи, с конвенциональным значением предложения, обусловленным его лексико-грамматическим составом. Данное несовпадение может характеризоваться максимальной степенью различия вплоть до полярного противопоставления. В этом случае воспринимающий субъект извлекает отрицательный смысл из утвердительного по форме высказывания. Это означает, что в рамках определенного коммуникативного акта в зависимости от интралингвистических или экстралингвистических факторов предложение может получить абсолютно иную их смысловую интерпретацию, чем его стандартное содержание, обусловленное языковой нормой. Таким образом, имплицитный смысл отрицания может возникать при реализации потенциально многозначного предложения в речи и соотносится с коммуникативным смыслом. Актуализация данного смысла происходит опосредованно через коммуникативный контекст предложения (коммуникативный контекст нами понимается как совокупность подчиненных ему контекстов: 1) лингвистического, 2) паралингвистического, 3) ситуативного, 4) культурного, 5) психологического.

Итак, имплицитность высказывания как "скрытый", подразумеваемый, явно не выраженный смысл не имеет самостоятельного выражения, а возникает как бы на базе вторичных значений соответствующих языковых единиц. Однако данное не означает, что имплицитные категории вообще не имеют никакого языкового выражения. "Как и все элементы мысли, они необходимо требуют звукового выражения, но выражаются они не прямо, а при посредстве слов и словесного контекста. В звуковой оболочке слов, синтагматических и фразовых единиц вместе с другими смысловыми компонентами получают выражение и скрытые категории" [6: 83].

Для выражения имплицитного смысла отрицания в языке используется способ определенной комбинаторики разноуровневых средств – синтаксических, лексических, интонационных. Так, например, Е.И. Шендельс, исследуя появление имплицитного отрицания в определенных фразеологических структурах, указывает, что "имплицитность присуща определенным структурам как их грамматический идиоматизм, она вытекает только из значения целой структуры, за которой закреплена определенная интонация" [7: 111].

Следует также отметить, что при выражении имплицитного отрицания роль интонации проявляется наиболее четко, так как интонационная система языка более гибка и подвижна, чем, например, грамматическая и значения, передаваемые интонацией, могут непосредственно отвечать коммуникативным установкам говорящего, служить целям повышения экспрессивности речи. Так, многими лингвистами отмечается экспрессивный характер имплицитного отрицания, который выражается при обязательном наличии "усиленной интонации" (Шендельс [7]; Шмелев [8]; Бондаренко [9], и др.), при этом подчеркивается, что звучание как бы указывает на несовместимость языкового держания и смысла высказывания и играет роль решающего фактора для однозначного восприятия его смысла. В данных случаях можно отметить наличие противоречия между двумя аспектами, составляющими общий смысл высказывания - содержанием лексико-грамматического состава и содержанием вой формы. Как следствие взаимодействия аспектов возникает новое значение, которое может передаваться через некоторые лексико-синтаксические элементы только при участии специфического просодического оформления фразы. Проявление подобного рода противоречий между звуковой формой и стандартным содержанием текста высказывания можно характеризовать как диалектическое единство формы и содержания, что является одним из способов развития языка, раскрывающим его механизм формирования неограниченного количества смысловых оттенков при ограниченном количестве языковых средств.

Итак, имплицитный смысл отрицания является компонентом общего речевого смысла высказывания, возникающим на базе вторичных употреблений языковых единиц и проявляющемся при взаимодействии разноуровневых средств языка (лексических, синтаксических и просодических) в определенном коммуникативном контексте. Высказывания с имплицитным смыслом отрицания в большинстве случаев имеют экспрессивный характер и служат целям выражения эмоционально-модального отношения говорящего к эксплицитно-выраженному содержанию высказывания.

Библиографический список

1. *Чернов, Г.В.* Основы синхронного перевода [Текст] / Г.В. Чернов. – М.: Высшая школа, 1987. - 256 с.
2. *Арнольд, И.В.* Статус импликации в системе текста [Текст] / И.В. Арнольд // Интерпретация художественного текста в языковом вузе. Межвуз. сб. научн. тр. - Л.: ЛГУ, 1983. – С. 3-13.
3. *Торсуева, И.Г.* Интонация и смысл высказывания [Текст] / И.Г. Торсуева. – М.: Наука, 1979. - 137 с.
4. *Грайс, Г.П.* Логика и речевое общение [Текст] / Г.П.Грайс // Прагмалингвистика. Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XVI. – М.: Прогресс, 1985. – С. 217-237.
5. *Арутюнова, Н.Д., Падучева, Е.В.* Истоки, проблемы и категории прагматики [Текст] / Н.Д. Арутюнова, Е.В. Падучева // Прагмалингвистика. Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XVI. – М.: Прогресс, 1985. – С. 3-42.
6. *Кацнельсон, С.Д.* Типология языка и речевое мышление [Текст] / С.Д. Кацнельсон. – Л.: Наука, 1972. – С.80-89.
7. *Шендельс, Е.И.* Имплицитность в грамматике [Текст] / Е.И. Шендельс // Вопросы романо-германской филологии. Синтаксическая семантика. Сб. науч. тр. МГПИИЯ. Вып. 112. – М., 1977. – С. 109-120.
8. *Шмелев, Д.Н.* Экспрессивно-ироническое выражение отрицания и отрицательной оценки в современном русском языке [Текст] / Д.Н. Шмелев // Вопросы языкознания. – 1958. – №6. – С. 63-75.
9. *Бондаренко, В.И.* Отрицание как логико-грамматическая категория [Текст] / В.И. Бондаренко. – М.: Наука, 1983. – С. 103-109.